

Архимандрит Августин (Никитин)

НЕМЕЦКАЯ РЕФОРМАТСКАЯ ОБЩИНА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Предисловие

Протестанты из разных стран Европы селились в России с первой половины XVI в., вскоре после начала Реформации. А в начале царствования Алексея Михайловича (1645–1676), когда на Западе по окончании Тридцатилетней войны (1618–1648) всюду царил нищета, в Россию стало переселяться все больше протестантов. Они занимали почетные места при Дворе и исполняли множество различных должностей на гражданской, военной и торговой службе. Правда, в отношении новых приезжих и прежде живших в Москве протестантов Алексей Михайлович был строг: он позволил жить непосредственно в городе только тем, которые пожелали бы принять православие, а остальным (за исключением немногих докторов и гостей) было велено переселиться в пригородную слободу.

Реформатские храмы в Москве появились еще в эпоху царствования Михаила Феодоровича (1613–1645). В 1640-х годах в Немецкой слободе, близ Москвы, реформатским проповедником был немец-саксонец Генрих Игенгеффер, перешедший в кальвинизм лютеранин. Как сообщал немецкий путешественник Адам Олеарий, в середине XVII в. в Москве находилось до тысячи лютеран и кальвинистов¹. Большую часть «российских» протестантов составляли лютеране; реформаты (кальвинисты) по своей численности занимали второе место. «В предместье собрались представители едва ли не всех западноевропейских народностей, с преобладанием немецкой, — отмечал в конце XIX в. один из русских исследователей, описывая Немецкую слободу середины XVII столетия. — Первое место по количеству и значению принадлежало лютеранам, затем реформатам, менее всего было католиков»².

К концу царствования Алексея Михайловича протестанты расселились по всем более или менее многолюдным центрам Московского государства, так что в 1673 г. всех немцев, живших в России, было не менее 18 тыс. чел.

В эпоху Петра I к реформатской общине в России принадлежала часть немцев, швейцарцев, а также голландцы и шотландцы-пресвитериане. В 1723 г. в Россию прибыло большое число французских реформатов (гугенотов), изгнанных из Франции после отмены Нантского эдикта. (Нантский эдикт — указ, изданный французским королем Генрихом IV в 1598 г., он гарантировал гугенотам определенную свободу вероисповедания. Однако в 1685 г. Людовик XIV отменил Нантский эдикт, после чего начались массовые преследования французских протестантов. Более 200 тысяч гугенотов покинули родину и нашли пристанище в Пруссии и Голландии; часть из них направилась в Россию по приглашению Петра I.)

О гугенотах, поселившихся в России, упоминает Г.А. Галем (Halem) (1752—1819) в своей книге «Жизнь Петра Великого». Отметив, что приближенные Петра I шотландец Патрик Гордон (1635—1699, католик) и выходец из Женевы Франц Лефорт (1656—1699, кальвинист) учредили «два полка, или лучше сказать, два военные корпуса, из которых один состоял из пяти, а другой из 12 тысяч человек, большею частью иностранцев»³, немецкий историк обращается к «реформатскому вопросу».

В числе этих иноземцев, сообщает Галем, «была по крайней мере третья часть гугенотов, которые, по уничтожении Нантского постановления, оставили свое отечество. Выходцы сии, изгнанные старым западным деспотом из Франции, приняты были с радостью юным, ни от кого в правилах своих не зависевшим Повелителем северным»⁴.

При этом немецкий автор отмечал широкую веротерпимость русского царя, который, однако, ставил государственные интересы России выше церковных. Петр действовал «невзирая на увещания патриарха Иоакима, который на смертном одре своем заклинал его не терпеть в России еретиков, лютеран, калвин и татар, коих называл он врагами Божиими и презрителями Церкви»⁵. Петр I был непоколебим в исполнении принятого им намерения. «Если между дюжиною иностранцев, — говаривал он часто, — найдется токмо один способный, честный человек, то и сей один наградит достаточно сделанные напрасно одиннадцать опытов»⁶.

Реформаты в Санкт-Петербурге. Первая половина XVIII в.

Между реформатами и лютеранами, жившими в России, сложились добрые отношения. Лютеране посещали церковные годовичные собрания реформатов; реформаты ходили на такие же собрания к лютеранам. Браки у лютеран с реформатами заключались без малейшего ущемления религиозных традиций той или другой стороны. Если же жених был лютеранин, а невеста из реформатской семьи, то по совершении оглашения (прокламации) в обеих общинах венчание проходило в лютеранской кирхе.

Если же жених был реформат, а невеста лютеранка, сыновья от смешанных браков принадлежали к вере отца, а дочери — к вере матери. И после того как в 1703 г. на берегах Невы была основана будущая столица Российской империи, лютеране и реформаты, поселившиеся на Адмиралтейском острове, образовали общий приход. На молитвенные собрания они приходили в дом вице-адмирала Корнелиуса Крюйса (1657—1727).

Со временем домовая церковь стала тесной, и к 1709 г. рядом с резиденцией Крюйса была выстроена деревянная церковь. По словам немецкого историка И.Г. Георги, эта кирха «до 1717 г. лютеранам и реформатам обще принадлежала; ныне же на оном месте выстроен императорский Эрмитаж»⁷.

В те годы большую часть петербургских реформатов составляли голландцы, а немцы по численности занимали второе место. В 1717 г. голландцы отделились от лютеранско-реформатского прихода, и к 1730 г. у них уже был собственный храм на «Невской першпективе», близ Полицейского моста⁸.

С 1723 г. в Санкт-Петербурге стало увеличиваться число французов-гугенотов. Еще при жизни Петра I они пригласили в российскую столицу из Женевы реформатского пастора Роберта Дюнана. Таким образом, немецкие реформаты по-прежнему составляли меньшинство, хотя в целом, с учетом лютеран, немецкое присутствие в Санкт-Петербурге было преобладающим. Так, до 1764 г. Миллионная улица — от Дворцовой площади до Марсова поля — называлась Большой Немецкой⁹.

Со временем французские реформаты, вслед за голландцами, решили образовать собственный приход, после чего начался сбор средств на строительство храма. Императрица Анна Иоанновна подарила общине на постройку тысячу рублей¹⁰. 17 июня 1733 г. состоялось торжественное освящение французской реформатской церкви¹¹.

Шведский ученый Карл Рейнхольд Берк, живший в Санкт-Петербурге в 1735—1736 гг., в своих записках упоминает про «деревянную реформатскую французскую церковь», располагавшуюся между «Перспективной улицей» (Невский проспект) и императорскими конюшнями¹².

К этому времени в Санкт-Петербурге имелось две реформатских церкви — голландская и французская, что и отметил в своих записках путешественник Фрэнсис Дэшвуд, посетивший российскую столицу в 1733 г. «В С.-Петербурге шестнадцать церквей — десять русских и шесть иностранных для чужеземцев, — сообщал английский автор своим читателям, — [в том числе] на Адмиралтейском острове четыре русских и одна немецкая лютеранская церковь, одна голландская реформатская, одна французская католическая и одна французская реформатская»¹³. Как видим, в записках Дэшвуда нет упоминания о немцах-реформатах, так как они в те годы еще не имели собственного прихода.

Другие иностранцы, посещавшие Санкт-Петербург в те же годы, вообще не разграничивали голландскую и французскую реформатские общины. Так, датский путешественник Петер фон Хавен, живший в российской столице в 1736—1737 гг., отмечал, что «реформаты имеют одну церковь в Петербурге, одну в Москве и одну в Архангельске, при каждой из них по два пастора»¹⁴. Тот же автор на страницах своего сочинения говорит про «церкви на Дворцовой стороне, среди которых действительно значительные и красивые две русские, две немецкие, шведская и реформатская»¹⁵.

О петербургской реформатской церкви (в единственном числе) общал в 1738 г. и Антиох Кантемир; в его перечне она занимает последнее место. «На Адмиралтейском острове есть императорские Зимний и Летний дворцы, а также сады, — сообщает российский дипломат, — лютеранская — как немецкая, так и финская церковь, коллегия миссионеров св. отцов-иезуитов, реформатская церковь»¹⁶.

Поначалу число прихожан во французской реформатской церкви было невелико — около 130 человек, и пастор Р. Дюнан вскоре оставил свою должность и вернулся в Женеву. На его место был приглашен Иеремия Рислер, при котором приход значительно увеличился. В 1746 г. к этому храму причислились немцы-реформаты. Они не могли содержать собственного пастора, и с этого времени Иеремия Рислер читал проповеди поочередно на французском и на немецком языках¹⁷.

Пастор Рислер возглавлял французско-немецкую реформатскую общину до 1760 г. К этому времени он причислил к приходу гернгутеров, живших в Петербурге (протестантская секта лютеранского толка, возникшая в 1772 г. в местечке Гернгут, недалеко от Дрездена, в Саксонии, находилась в оппозиции к евангелическо-лютеранской церкви). Вызванный в Юстиц-коллегию Рислер был обвинен в нарушении канонов и лишен места пастора. Впоследствии он примкнул к одному из гернгутских течений — стал членом общины «моравских братьев»¹⁸.

Реформаты в екатерининскую эпоху (1762–1796 гг.)

В 1762 г. деревянный реформатский храм сгорел, после чего немецкие реформаты причислились к лютеранской церкви св. Петра на Адмиралтейской стороне, а французские — к голландской реформатской церкви. В таком положении они находились до 1770 г.¹⁹ В 1770–1773 гг. на Большой Конюшенной улице была возведена каменная немецко-французская реформатская церковь. Она строилась на средства французских реформатов, составлявших в смешанной общине большинство.

Автором проекта стал российский архитектор немецкого происхождения Георг Фридрих (Юрий Матвеевич) Фельтен (1730–1801). Церковь была возведена на затесненном участке между домами. Фельтен поставил здание длинной стороной по красной линии улицы, используя всю ширину участка. Это повлекло за собой совершенно особую планировку помещения. Парадная мраморная лестница вела прямо от входа с улицы на второй этаж, где располагались церковный зал и другие помещения, в первом этаже размещалось жилище пастора. В центральном зале не было колонн, а хоры шли только по одной стороне — там, где размещался орган. (Ныне в здании церкви располагается шахматный клуб им. М.И. Чигорина.)

Таким образом, возобновилась деятельность французско-немецкого реформатского прихода, и в 1773 г. состоялись выборы нового пастора. Однако в ходе выборов между немецкими и французскими реформатами возникли споры. Юстиц-коллегия повелела, чтобы каждая община имела своего пастора, но французские реформаты с этим не согласились. Ссылаясь на то, что церковь построена на их средства, французы опротестовали решение Юстиц-коллегии. Дело тянулось несколько лет и наконец в 1778 г. было представлено на рассмотрение императрицы Екатерины II.

11 мая 1778 г. был обнародован «Манифест об учреждениях, относящихся к восстановлению согласия между членами реформатской церкви французской и немецкой нации» (Приложение I). Издание императорского «Манифеста» положило конец спорам, и он лег в основу устава французско-немецкой общины Санкт-Петербурга. Вот что сообщал о жизни этого прихода И.Г. Георги: «Реформатский французский и немецкий приход имели своего общего проповедника и попеременное на обоих языках богослужение, построив себе в Коношенной улице общую прекрасную каменную церковь. Несколько лет уже тому назад имеет каждый из оных приходов своего собственного проповедника, а церковь осталась общему. Во французском приходе бывает ежегодно от 8 до 10, а в немецком от 18 до 25 крестников, да в первой около 100, а в последней около 250 причастников»²⁰.

Из этого сообщения следует, что к концу XVIII в. соотношение французских и немецких реформатов, живших в Петербурге, изменилось в пользу последних. Пасторы реформатской общины отличались своей ученостью. Так, немецкий пастор Абрахам Шмидт оставил прекрасную библиотеку. Ее каталог, изданный в 1790 г., насчитывал примерно 3 тысячи изданий²¹.

Петербургские реформаты, как и прочие инославные христиане, жившие в России, имели все необходимое для приходской деятельности. Об этом свидетельствовал в 1779 г. петербургский историограф Г. Богданов. Отметив, что «господствующая в Санкт-Петербурге, как и во всей России, есть вера восточная или православная греко-кафолическая», русский автор продолжает: «В рассуждении же множества иностранцев, обитающих в Петербурге и протчия христианского исповедания веры употребляемые в Европе, как то: западная, или римско-католическая, лютеранская, реформатская, калвинская и армянская, имеют беспрепятственное и свободное, по обрядам своим, отправление богослужения, в нарочно устроенных для молитвословия церквах»²².

Русская администрация не вмешивалась в дела инославных религиозных общин; это выражалось, в частности, в том, что в начале XIX в. Святейший Синод сообщал списки всех жителей, родившихся и умерших в Петербурге, только православного исповедания, тогда как для лиц других вероисповеданий эта статистика отсутствовала²³.

Одним из реформатских пасторов, обосновавшихся в Петербурге в последней четверти XVIII в., был Иоганн-Давид Коллинс. Он родился в шотландской семье, переселившейся в Пруссию; Россия стала

для него второй (если не третьей) родиной. Семья Коллинса имела родственные связи с известными деятелями российской науки, которые принадлежали к реформатской церкви. Супруга пастора Коллинса была младшей дочерью статского советника И. Альбрехта Эйлера, члена и неперменного секретаря императорской Академии наук — старшего сына знаменитого математика Леонарда Эйлера (1707–1783). На пятнадцатом году жизни она вышла замуж за молодого академика Якова Бернулли, однако вскоре он утонул в Неве (+1789). Через некоторое время вдова вступила во второй брак с И.Д. Коллинсом, и в 1791 г. у супругов родился сын — Эдуард Альберт Христофор Лудвиг.

В 13-летнем возрасте Эдуард был отдан в школу при лютеранской церкви св. Петра и Павла (Петришуле). Здесь при попечительстве директора Вейзе он упорно постигал науки, став впоследствии видным ученым. В 1828 г. Эдуард Давидович Коллинс был приглашен преподавать математику наследнику российского престола — великому князю Александру Николаевичу (впоследствии император Александр II). Его педагогическая деятельность при императорском дворе продолжалась более 10 лет. Э.Д. Коллинс обучал точным наукам и великого князя Константина Николаевича (с марта 1838 г.), а также великих княжон — Марию, Ольгу и Александру²⁴.

Пастор Иоганн фон Муральт (1780–1850)

В начале XIX в. Петербургская реформатская община, в которую входили немцы, французы, голландцы, швейцарцы, насчитывала более тысячи человек (на 1810 г.), а в 1840 г. — вдвое больше. К этому времени реформаты пользовались широкими возможностями для своей церковной деятельности. «Под наименованием евангелическо-реформатской, церковь сия принята и известна в России, как держащаяся определений Бернского Синода 1532 года, согласительных Гельветических постановлений (consensus Helveticus) и Гейдельбергского Катихизиса», — отмечалось в 1819 г. в одном из императорских указов²⁵.

Главную роль в развитии православно-реформатских отношений продолжали играть пасторы. Они несли в Россию для своих прихожан метод нравственного воспитания просвещенного человека. Заметное место в истории реформатско-православных связей в первой половине XIX в. занимает швейцарский пастор Иоганн фон Муральт (1780–1850), который был учеником и соратником выдающегося швейцарского педагога и просветителя Песталоцци.

Муральт принадлежал к старинной итальянской семье Муральто, бежавшей с берегов Локарнского озера в 1555 г., спасаясь от гонителей Реформации. В числе 120 взрослых и 80 детей приверженцы учения Жана Кальвина нашли прибежище в Цюрихе. Иоганн фон Муральт родился в 1780 г. в отцовском имении в немецкоязычном кантоне Тургау. Первоначальное образование он получил в гимназии города Винтертур, затем поступил в Цюрихский университет. Впоследствии Муральт три года учился в университете в Галле, где слушал лекции на богословском факультете.

В 1802 г. будущий пастор посетил Париж, где познакомился с французской писательницей Жерменой де Сталь. По словам биографа Муральта, «здесь Сталь приглашала его в воспитатели к своему сыну, но молодой богослов не сошелся с ней во взглядах на воспитание»²⁶.

В 1805 г. Муральт стал пастором, а в 1810 г. прибыл в Россию, приняв приглашение возглавить петербургскую реформатскую общину. Он был вызван в Россию своим соотечественником и университетским товарищем Эшером. Эшер занимался в Петербурге торговыми делами; услышав о пастырской деятельности Муральта, он послал ему приглашение от имени старшин реформатской общины — «для приложения к делу методов Песталоцци»²⁷.

Петербург поразил Муральта. «Кажется, нет у него ни конца, ни края. Встречаешь такое множество прекрасных площадей и дворцов, что теряешься от всего этого и сперва почти ничего не видишь»²⁸. Молодой образованный пастор с твердым характером, но при этом осмотнительный и умеющий влиять на людей, вскоре завоевал доверие своих соотечественников и русских знакомых.

Свою деятельность пастора Муральт сочетал с педагогической, следуя советам Песталоцци. При расставании со своим учеником Песталоцци вписал в дорожный альбом Муральта следующие слова: «Иди путем сердца моего с тою же энергией, какая служила мне столь долго и которой лишаюсь с тоской, но и с благодарностью. В память о годах усердного труда от твоего друга П.».

Вскоре по прибытии в Петербург Муральт убедил тогдашнего министра просвещения А.К. Разумовского разрешить ему педагогическую деятельность. В 1811 г. попечитель столичного учебного округа С.С. Уваров разрешил Муральту открыть частный пансион при реформатской церкви «для обучения религии, русскому, немецкому и французскому языкам, рисованию, правописанию, арифметике и началам геометрии, музыке и гимнастике».

В те годы большое влияние на Александра I оказывал один из выдающихся государственных деятелей того времени — Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839), выпускник Санкт-Петербургской Главной семинарии при Александро-Невском монастыре (1789—1794). С 1808 г. он был ближайшим советником императора по делам внутренней политики и предложил проект реформ. Сперанский благосклонно отнесся к педагогическим идеям пастора Муральта и оказывал поддержку в его начинаниях. Основанное пастором Муральтом учебное заведение было открыто в октябре 1811 г. и вскоре стало одним из лучших частных учебных заведений столицы²⁹.

Первоначально в этом пансионе воспитывались в основном дети иностранных предпринимателей и знатных дворян Остзейского края³⁰. Примечательно, что в те же самые годы просветительской деятельностью в Петербурге занимались не только протестанты, но и католики. Так, член «Общества Иисуса» аббат Николь, бывший наставник в парижском College Sante-Barbe, основал в Петербурге пансион, куда было модно отдавать детей русской знати и куда лишь случайно не попал Пушкин³¹.

До 1811 г. в Петербурге существовало единственное учебное заведение для детей дворян — иезуитский пансион. Правда, были еще две хорошие школы — при церкви св. Петра (Петришуле) и св. Анны (Анненшуле), но они в те годы были «слишком немецкие» по характеру преподавания и составу воспитанников.

На фоне постепенного ослабления католического влияния в Санкт-Петербурге роль реформатского учебного заведения возрастала. Пастор Муральт находился в дружеских отношениях со многими видными сановниками; среди них был граф Е.К. Сиверс, «один из деятелей на славном поприще войн 1812—1814 годов»³². Граф уважал пастора Муральта и слышал много похвал о его заведении. В 1815 г. по рекомендации Е.К. Сиверса в реформатский пансион на должность учителя был принят К.И. Арсеньев — будущий историк, географ, академик.

Константин Иванович Арсеньев (1789—1865) родился в Костромской губернии в семье священника. Обучаясь в Костромской семинарии, он увлекся русской литературой, читал Державина, Карамзина. Его дальнейшее обучение проходило в Петербурге, где в 1804 г. была устроена учительская гимназия, которая получила название Педагогического института. В 1806 г. в Петербурге было учреждено второе отделение Педагогического института для ста студентов. Об этом

было объявлено епархиальным архиереям, и Костромской епископ Евгений, получив о том предписание из Синода, велел выбрать для отправки в Петербург 15 лучших семинаристов из философского и богословского классов. В их число попал и К.И. Арсеньев.

В 1807 г. юноша приступил к занятиям, по-прежнему увлекаясь литературой, что всячески поощрялось институтским начальством. В числе его наставников были такие педагоги, как адъюнкт-профессор А.П. Куницын, И.И. Мартынов; в 1812 г. директором Института был назначен Е.А. Энгельгардт. К.И. Арсеньев переводил Шиллера, Гёте, Клопштока, Шатобриана и других европейских писателей.

Приступив к преподаванию в пансионе Муральта, молодой педагог не оставил своих занятий литературой; впоследствии он переписывался с В.А. Жуковским и А.И. Тургеневым, которые хорошо знали реформатского пастора. «Этот пансион пользовался тогда необыкновенным уважением и предпочитался всем подобным заведениям, — вспоминал К.И. Арсеньев. — И точно, он вполне был достоин своей славы по превосходному устройству и внешнему и внутреннему, по отличной методе педагогической, по счастливому выбору наставников и воспитателей и по неусыпной деятельности, ловкости и благородному характеру содержателя. <...> С особенным удовольствием и с чувством благодарности вспоминаю я время, проведенное мною в заведении Муральта; здесь изучил я много полезного в деле обучения и воспитания»³³.

Примечательно, что в 1828 г., К.И. Арсеньев был приглашен ко Двору для преподавания цесаревичу Александру Николаевичу (впоследствии — император Александр II). В числе других учителей великого князя были еще три педагога пансиона Муральта. Это Флориан Антонович Жилль (французский язык, география), Самуил Иванович Варранд (английский язык) и Федор Иванович Липман (всеобщая история). Общим попечением воспитания цесаревича заведовал В.А. Жуковский, который высоко ценил метод Песталоцци. В 1827 г. он ездил в Швейцарию для личного ознакомления с системой швейцарского ученого-педагога. Это знакомство, быть может, и повлияло на выбор наставников наследника российского престола³⁴.

В первые годы деятельности пансион Муральта находился «на Васильевском острове, в 10-й линии, в бывшем доме Шумахера»³⁵, а впоследствии был переведен на Большую Конюшенную улицу, при реформатской кирхе. Тогда же пансион был преобразован в приходское училище; его открытие состоялось 11 марта 1818 г.

Первоначально это было двухклассное училище, и в 1818 г. оно насчитывало 34 учащихся, а в 1827 г. здесь было уже четыре класса и около 200 учеников. Наряду с общеобразовательными предметами в училище преподавался закон Божий. За первые 25 лет деятельности училища (1818–1843) из его стен вышло 1200 выпускников³⁶. Во главе училища стоял совет из пасторов трех приходов реформатского исповедания — немецкоязычного, франкоязычного и голландского. В 1863 г., уже после смерти Муральта, училище, ставшее к этому времени семиклассным, получило права среднего учебного заведения.

В училище Муральта воспитывались в основном мальчики из семей живших в Петербурге иностранцев, но были и русские (как правило, дети состоятельных родителей). Муральт придавал большое значение изучению русского языка и привлекал для этого русских педагогов. В разное время у него преподавали Н.И. Греч³⁷, А.Г. Ободовский (брат литератора П.Г. Ободовского), П.П. Максимович, В.Т. Плаксин, стихотворец Н.И. Бутырский, впоследствии профессор словесности, а также А.А. Краевский и К.И. Арсеньев. Последний, в будущем академик-географ, вспоминал, что «пастор Муральт, ученик Песталоцци, привез в Россию много новых, светлых идей по предмету воспитания юношества и счастливо осуществлял их в своем заведении»³⁸. Педагогическими приемами пастора Муральта со временем заинтересовались в казенных учебных заведениях.

Педагогические и пастырские обязанности Муральта, его интерес к русской культуре сблизили пастора с литературными кругами. Учителями заведовал при дворе В.А. Жуковский, с которым Муральт находился в доверительных отношениях. В Департаменте духовных дел Муральт познакомился с А.И. Тургеневым (1784–1845), а через него — с членами литературного Общества «Арзамас», собиравшимися на квартире Тургеневых. В 1810–1824 гг. А.И. Тургенев был директором Департамента духовных дел в Министерстве духовных дел и народного просвещения, а также секретарем Библейского общества³⁹. А.И. Тургенев оставил несколько дневниковых записей, в которых упоминался Муральт и были отмечены темы разговоров с ним, в частности «о вероисповеданиях»⁴⁰.

Сохранилось свидетельство об ораторской манере Муральта, причем сообщал об этом брат А.И. Тургенева — Н. Тургенев. В дневнике под 20 октября 1817 г. Н. Тургенев записал: «Вчера и сегодня слушал я проповеди в протестантской церкви. <...> Сегодняшняя понравилась; Муральт говорил с чувством и с большой откровенностью; он

доказывал, что все их учителя церковные, не исключая Лютера и Кальвина, ошибались и должны были ошибаться, как люди; что учение Христа одно без ошибок; в нем должно искать истины и т.п. Он мне понравился и потому, что декламация его проще и натуральнее: декламация других ни на что не похожа»⁴¹.

Квартиру Тургеневых посещали не только литераторы, но и пасторы. Помимо Муральта здесь бывали Фридрих Ганеман, пастор Стрельнинского лютеранского прихода, Иоганн Буссе, пастор лютеранской церкви св. Екатерины, и другие. На квартире Тургеневых Муральт познакомился с А.С. Пушкиным, причем их первая встреча состоялась не позднее 1817 г. (Находясь в октябре 1826 г. в Саксонии во время местного юбилея Реформации, А.И. Тургенев записал в дневнике: «Этот день напомнил мне и мой вечер в 1817 г., когда я сближал пасторов протестантских и реформатских, и поэт Пушкин угощал их у меня пуншем и ужином <...> Буссе, Ласозе, Муральта»⁴².

Быть может, знакомство с Муральтом подсказало Пушкину те определения, которые даются гувернеру Онегина-мальчика. В черновиках третьей строфы первой главы романа «Евгений Онегин» упомянут «мосье швейцарец», «очень важной». Вместе с Пушкиным пастор Муральт провожал А.И. Тургенева при отъезде того за границу в 1832 г., а 9 ноября 1834 г. Пушкин, Муральт, Жуковский и А.И. Тургенев присутствовали на обеде у члена Российской Академии К.К. фон Гетца⁴³.

Навсегда обосновавшись в России, Муральт, однако, не порывал связей со Швейцарией. Он организовал денежную помощь землякам, пострадавшим от неурожая и наполеоновских войн (особенно кантону Гларус). В 1816–1817 гг., когда швейцарцы испытывали большие лишения, пастор Муральт обратился через графа И.А. Каподистрия (1778–1831) к императору Александру I с просьбой помочь бывшим соотечественникам. Просьба нашла отклик: императрица Мария Феодоровна прибавила свои три тысячи рублей к 100 000 рублям, высланным императором русскому посланнику в Берне Крюднеру.

По инициативе пастора Муральта в 1814 г. в Петербурге было основано Объединение швейцарцев, помогавшее неимущим соотечественникам на родине и в России. По его образцу возникли такие землячества в Москве и других городах⁴⁴. Объединение решало не только благотворительные, но и культурно-просветительные задачи, располагало библиотекой. На его собраниях обсуждались политические события. Бурные споры вызвала гражданская война в Швейцарии

в 1847 г., расколовшая страну на два лагеря. Муральт принял сторону демократов и предсказал победу их над католическим Зондербундом⁴⁵.

Но члены объединения не отгораживались и от русской жизни. Через того же Муральта сведения о ней попадали в немецкую печать, и не только в местную «С.-Петербургер-цайтунг», но и в «Аугсбургер Альгемайне цайтунг». В 1835 г. на праздновании дней швейцарской Реформации пастор Муральт присутствовал на торжествах как представитель России. К празднованию юбилея Песталоцци в 1845 г. Муральт привлек русскую педагогическую общественность⁴⁶.

Пастор Муральт был совершенно бескорыстен; он не только не нашёл состояния, но даже оказался на грани разорения из-за основанного им пансиона. Дело в том, что за 20 лет существования училища родители воспитанников задолжали владельцу пансиона 10 тыс. руб. Когда жена генерала Клингера, одного из лучших друзей Муральта, узнала о стесненных обстоятельствах пастора, она заставила его принять от нее не хватавшие ему 10 тыс.⁴⁷

Пастырская и педагогическая деятельность Муральта сочеталась с переводческой. В частности, он перевел книгу русского церковного писателя Андрея Николаевича Муравьева (1806–1874) «Письма о богослужении Восточной Кафолической Церкви» (СПб., 1838). (Перу А.Н. Муравьева принадлежит также другое сочинение: «Путешествие по святым местам русским» (СПб., 1832). Именно благодаря «Путешествию» А.С. Пушкин в последние годы жизни обратился в своем творчестве к духовной теме.) Свои стихи Муравьеву посвятили Ф.И. Тютчев и А.Н. Апухтин, высоко оценивавшие труды духовного писателя. Что же касается «Писем о богослужении», то автор одной из рецензий отмечал, что это сочинение «составляет равно драгоценный подарок и для христианина, и для христианского философа»⁴⁸.

Вполне понятно, что пастор Муральт не мог не обратить внимания на это произведение; в этой книге были изложены богослужения Великого Поста, «таким же образом изложены и разобраны все обряды различных литургий, утрени, вечерни, семи таинств, погребений, освящений и всех торжественных праздников Православной Греко-Российской Церкви»⁴⁹. Вскоре эту книгу начали переводить на европейские языки, и, как отмечалось в год ее выхода в свет (1838), «мы уже имеем в руках начало французского перевода “Писем о богослужении” и знаем, что в Германии печатается немецкий перевод их, которым занимался ученый реформатский пастор Муральт»⁵⁰.

Церковная и общественная деятельность Иоганна фон Муральта была по достоинству оценена русским правительством. Во внимание к его трудам пастор Муральт был высочайше пожалован орденами св. Владимира 4-й степени и св. Анны 2-й степени с императорской короной⁵¹. Скончался пастор И. Муральт в 1850 г. и был похоронен в Петербурге на Волковом лютеранском кладбище (надгробие не сохранилось).

В жизни петербургских реформатов пастор Муральт представляет собой крупное явление. Этот выдающийся церковный деятель с большой доброжелательностью относился к русским людям и русской культуре. «Мои принципы, впитанные с молоком матери, — писал он из России еще в 1813 г., — подкрепленные примером благородных душ, влекут меня неодолимо к сопротивлению и борьбе против всякого бессердечия, лицемерия и всякого рабского низкопоклонства»⁵².

На протяжении нескольких десятилетий выпускники пансиона, основанного пастором Муральтом, ежегодно собирались в Петербурге в день его кончины 10 февраля, чтобы побыть вместе несколько часов и вспомнить время, проведенное в училище. С 1872 г. на таких встречах производился сбор пожертвований, из которых был образован особый «муральтовский капитал» для бедных. Капитал этот должен был приумножаться до 1880 г. — столетия со дня рождения пастора Муральта. Как отмечалось в российской печати, «начиная с 1880 г. доход с “муральтовского капитала” будет употребляем для пособия, без различия вероисповеданий, так называемым “стыдящимся бедным” (rauvres honteux) и начинающим ремесленникам»⁵³.

В 1874 г. на ежегодную встречу «муральтианцев» был приглашен тогдашний пастор немецкого реформатского прихода Герман Дальтон. Свою речь на обеде 10 февраля он начал такими словами: «Я преемник того человека, памяти которого посвящено настоящее торжество; тень достоуважаемой личности представляет мне право говорить на родном языке покойного пастора Муральта; если бы это было для меня возможно, то я тотчас же начал мою речь на швейцарско-немецком наречии (schwyzer ditsch), которому сын швейцарских гор не изменил и после 40-летнего пребывания на севере»⁵⁴.

Сказав о благотворительной деятельности Иоганна Муральта, пастор Дальтон обратился к его питомцам: «Вы собрали капитал, из процентов которого эти внуки будут поддерживать свое существование; вы заботливым образом назначили опекуном тот самый приход, на котором пастор Муральт 40 лет сряду был духовным пастырем; вы

поручили этому приходу в определенные сроки отыскивать в кружках ремесленников наиболее достойных, которым пособие из этого “железного фонда” внушит любовь к имени Муральта, как к имени отца и предка»⁵⁵.

В 1876 г. пастор Г. Дальтон издал в Висбадене книгу, посвященную памяти своего предшественника на немецком реформатском приходе. Подводя итог деятельности Иоганна Муральта, пастор Дальтон писал: «Немецкая реформатская церковь поминает в нем человека, который довел сотню первоначальных прихожан ее до двух тысяч, перестроил здание церкви на 150 000 рублей, выданные ему на это в ссуду министром финансов графом Канкринным»⁵⁶.

Вот еще несколько строк, посвященных покойному пастору Муральту: «Поминают его и сироты, призренные Церковью, и ученики школы, открытой первоначально для детей бедных ремесленников и существующей ныне для детей всех сословий. Благодарную память о нем хранят и абоненты евангелической библиотеки, разбогатевшей (книгами) его стараниями, ссужающей библиями немецкие колонии в России и даровым чтением неимущих прихожан; особенно дорога его память ученикам частного пансиона, процветавшего под его управлением около 20 лет»⁵⁷.

Вторая половина XIX века

К середине XIX в. число немецких реформатов в Санкт-Петербурге заметно увеличилось. С 1850 г. немецкий реформатский приход, насчитывавший 2733 чел. (в 1853 г.), возглавлял пастор Конрад Икен (в сане с 1847 г.) с годовым жалованием в 1500 руб.⁵⁸ На 1853 г. французский реформатский приход объединял 498 прихожан, которых с 1830 г. духовно окормлял пастор Иоанн Франц Стефан Анспах (в сане с 1823 г.) с годовым жалованием 2000 руб.⁵⁹

В 1858 г. была осуществлена перестройка храма по проекту архитектора Ю.О. Дютеля, после чего церковь приобрела облик, близкий к современному⁶⁰. Вот как выглядела в те годы объединенная реформатская церковь в Санкт-Петербурге: «Она находится на (Большой) Конюшенной улице, на верхнем этаже церковного дома; ее можно узнать по позолоченному кресту, который стоит на фронте дома. Внутренность церкви не представляет ничего замечательного; люстр нет, освещается она стенными канделябрами. Орган работы Метцеля из Регенсбурга; сделан он в 1850 г. На плацу церковном пред входом в церковь находится дом, где собирается конвент церковный. При

петербургской соединенной реформатской церкви находится и реформатская школа»⁶¹.

И еще одна «реликвия» имелась в храме. Как сообщалось в «Полном путеводителе по Петербургу», в реформатской церкви «хранится стул, на котором сидел Петр Великий, присутствуя на реформатском обряде крещения в 1724 г.»⁶².

К этому времени реформатская община Петербурга стала заметным явлением не только в самой столице, но и за ее пределами. Еще в 1842 г. племянник пастора Иоганна фон Муральта историк Эдуард фон Муральт (1808—1895) издал в Дерпте «Хронику» Санкт-петербургской реформатской общины. На 1863 г. в России в целом насчитывалось более 54 тысяч реформатов⁶³, в их число входили немцы, французы, голландцы, шотландцы, швейцарцы, а также выходцы из стран Восточной Европы, обосновавшиеся в России.

В 1862—1865 гг. по заказу немецкой общины было построено здание реформатского храма (Большая Морская ул., 58, угол Почтамтского пер.) Строительством церкви по проекту Г.А. Боссе руководил Давид Иванович Grimm. Вот как сформулировал архитектурные принципы, положенные в основу проекта, его автор: «По моему внутреннему убеждению, строгой простоте и духу реформатского учения более всего соответствует стиль романский. Простота формы, отсутствие штукатурки и орнаментов как нельзя более характеризуют серьезное назначение постройки. Я считал необходимым совершенно отрешиться от стиля готического, который неизбежно влечет за собой различные орнаменты, а для последних мы не имели ни средств, ни подходящего материала»⁶⁴.

Тем не менее некоторые элементы готики в постройке присутствовали: это и большие длинные окна, и общая вытянутость пропорций, и высокий шпиль. В 1872—1874 гг. архитектором К.К. Рахау была проведена реконструкция храма⁶⁵.

Пастор Герман Дальтон (1833—1913)

В 1858 г. немецкую реформатскую общину Санкт-Петербурга возглавил уроженец Оффенбаха-на-Майне пастор Герман Фридрих Дальтон. Наряду с пастырскими трудами пастор Дальтон занимался активной церковно-литературной деятельностью. По его инициативе был составлен и издан «Сборник статей по внутреннему миссионерству» (СПб., 1864). В 1865 г. в Готе было издано сочинение пастора Дальтона, посвященное истории реформатской общины в России: «Geschichte der reform. Kirche in Russland».

Настоятель вел обширную переписку⁶⁶, он собрал материалы по истории немецкой реформатской общины. В 1876 г. он опубликовал составленную им биографию пастора Иоганна фон Муральта — предшественника Дальтона на немецком реформатском приходе⁶⁷.

Свои пастырские труды и научные изыскания пастор Дальтон сочетал с благотворительной деятельностью. По его инициативе в 1877 г., вскоре после начала русско-турецкой войны, был основан Евангелический полевой лазарет. Основная цель этого проекта состояла в том, чтобы во время войны оборудовать полевой лазарет и доставить его на место военных действий, а в мирное время поддерживать сирот участников войны. Средства поступали от сбора пожертвований по всей стране. В 1877 г. комитет послал полевой лазарет под руководством старшего врача доктора фон Валя и позднее доктора Зеленкова на европейский театр военных действий. Десять месяцев в одиннадцати домах лазарета лечили раненых и больных (всего 803 чел.). В 1881 г. комитетом лазарета для помощи голодающим на Волге было собрано около 39 000 руб.⁶⁸

В 1880 г. пастор Г. Дальтон проявил инициативу по учреждению детского приюта в Парголово, близ Петербурга. В 1881 г. был учрежден комитет приюта, и в том же году первая группа детей смогла выехать на летний отдых в Парголово. Прием детей в приют не зависел от конфессии или национальности. Средства на существование приют получил от добровольных взносов⁶⁹.

Пастора Дальтона волновали различные социальные вопросы, и он старался внести свою лепту в их разрешение. Так, зимой 1882 г. председатель евангелической городской миссии в одной из ежемесячных бесед с городскими миссионерами коснулся вопроса о проституции⁷⁰. После этого пастор Дальтон углубился в изучение этого социального недуга, и 23 марта 1883 г. он прочел на эту тему лекцию в зале училища св. Петра и Павла (Петришуле). Впоследствии эта лекция легла в основу 90-страничной брошюры, которая была издана под названием «Социальный недуг. К вопросу о проституции и о приютах св. Магдалины» (СПб.; М., 1884).

Инициатива по организации евангелической городской миссии также исходила от пастора Дальтона. Деятельность городской миссии началась в 1876 г. Ее задачей стали «попечительство и забота о спасении душ, отчужденных от Церкви, так же как и о находящихся под угрозой отчуждения». Статус миссии был утвержден в 1879 г., а в 1891 г. она получила новое, официальное наименование — Обще-

ство религиозного и нравственного попечения протестантов в Санкт-Петербурге. Миссионерская работа проводилась особыми посланцами, непосредственное руководство которыми до 1886 г. осуществлял президент комитета Общества — пастор Дальтон⁷¹.

Немецкая реформатская община, обретшая свой собственный храм, расширяла сферу деятельности. На 1885 г. число прихожан составляло 3338 чел.⁷² (В том же 1885 г. число реформатов-французов при храме на Большой Конюшенной ул. составляло 500 чел.⁷³) Среди учителей, преподававших в реформатском училище, были педагоги, получившие образование в немецких университетах. В их числе — учитель арифметики Эрнст Беппель (Берлинский университет), директор реформатского училища Эрнст Шульц (Иенский университет)⁷⁴ и др. Сам пастор Дальтон продолжал свои церковно-исторические труды; в 1888 г. в Готе была издана его очередная книга — «Urkundenbuch der evang.-reform. Kirche in Russland».

В том же году пастор Дальтон был вынужден покинуть Россию. Его отъезд был своеобразным протестом против политики российской администрации в Остзейском крае. Если в Петербурге и Москве инославные пользовались «неприкосновенностью», то на окраинах российской империи местные власти проводили политику прозелитизма. Защищая права протестантов, пастор Дальтон направил письмо обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву, в котором высказал критические замечания, «касающиеся образа действий Русской Церкви в прибалтийских губерниях».

Эпиграфом к своему посланию немецкий пастор взял слова Фридриха Великого: «Ложное церковное рвение — этот тиран опустошает населенные страны; веротерпимость же является нежною матерью, попечениями своими приводящею страны в цветущее состояние». «Открытое послание» (Offenes Sendschreiben) пастора Дальтона было с сочувствием встречено на Западе; за короткое время оно выдержало не менее семи изданий. В 1890 г. оно было напечатано в Лейпциге и на русском языке под названием «Открытое послание обер-прокурору Правительствующего Синода, действительному тайному советнику К.П. Победоносцеву от Германа Дальтона» (пер. с нем., 79 с.).

Обращаясь к обер-прокурору Св. Синода, пастор Дальтон писал: «Вы знаете, что Россия не моя родина, но я провел в ней более половины моей жизни и успел сродниться с нею. Во время моей распротраненной деятельности для меня было истинной отрадой углубляться в изучение душевных особенностей того народа, среди которого

мне, волею Всевышнего, суждено было жить и действовать; за особую милость почитаю я, что имел возможность вникнуть в особенности Греко-Российской Церкви и уразуметь ее место и значение в Царствии Божием»⁷⁵.

Хорошо зная историю протестантских общин в России, пастор Дальтон напоминал К.П. Победоносцеву о том, что начиная с Петра I инославным была гарантирована веротерпимость. В частности, реформатский пастор ссылался на Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г., воспрещавший членам государственной Церкви наравне с членами других Церквей, «под угрозой всей строгости наших законов, всякую попытку обращать кого бы то ни было в свою Церковь»⁷⁶.

В том же духе был написан указ Александра I от 20 июля 1819 г., в котором Евангелическая Церковь в Прибалтийском крае признавалась не только терпимой, но вполне равноправной, имевшей признанные верховной властью права⁷⁷.

Однако в николаевскую эпоху атмосфера веротерпимости постепенно утрачивалась и, как отмечал пастор Дальтон, ныне «право пропаганды предоставляется во всей империи исключительно господствующей Церкви, которой разрешается “убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере”»⁷⁸.

Приводя ряд примеров нарушения прав протестантов в Прибалтике, пастор Дальтон как миссионер сетовал на то, что в конце 1830-х годов были упразднены протестантские миссии, успешно действовавшие среди нехристианского населения в Закавказье и Поволжье. Отметив, что «Евангелическая миссия между магометанами России на Кавказе, на Волге и в других местах была приведена к молчанию вследствие императорского указа, потому что Русская Церковь захотела принять на себя эту серьезную задачу», пастор Дальтон сожалел о том, что при усилении ислама «пройдет немного времени, как сотрутся и последние следы некогда благословенной Евангелической миссии обширного Поволжья»⁷⁹.

«Открытое послание» пастора Дальтона затронуло болевые точки тогдашней царской политики в отношении инославных христиан. И хотя в российской печати оно опубликовано не было, представители официальных церковных кругов должны были «отреагировать» на «бумагу», ведущую к «брожению умов». Отповедь «клеветнику России» появилась в таких журналах, как «Русский вестник»⁸⁰, «Православный собеседник»⁸¹, «Вера и разум»⁸² и некоторых других.

У каждой из сторон была «своя правда», но, не углубляясь в полемику, следует отметить, что в 1905 г. был обнародован «Манифест о веротерпимости», косвенным образом подтвердивший правоту реформатского пастора. Согласно новому императорскому повелению инославные христиане, жившие в России, освобождались от целого ряда ограничений, действовавших до этого времени; они перестали ощущать себя людьми «второго сорта».

Что касается пастора Дальтона, то он, выехав из России, поселился в Берлине, где продолжил свою научную деятельность. К этому времени он уже стал выдающимся церковным историком; его перу принадлежали такие монументальные труды, как «Beitrag zur Geschichte der evang.-luth. Kirche in Russland» (4 b. 1887–1905); «Die russische Kirche» (1892); «Stundismus in Russland» (1896) и многие другие.

Конец XIX — начало XX века⁸³

После отъезда пастора Дальтона из России пастырскую и благотворительную деятельность на приходе продолжили его помощники. Так, «Общество религиозного и нравственного попечения» осуществляло свою работу под руководством нескольких пасторов. Работа посланцев спасения отчужденных от Церкви состояла в руководстве десятью воскресными школами на немецком, латышском, эстонском, финском языках, посещении тюрем, госпиталей, домов, проведении уроков Библии на разных языках в отдаленных районах города, распространении текстов «Еженедельной проповеди», работе с бездомными, одинокими, бедными, нищими.

С 1895 г. Общество издавало журнал «Проповедь недели». В 1887 г. была учреждена должность ректора (старшины посланцев), каковыми работали пасторы Ф. Холлманн (1889–1893), В. Добберт (1893–1894), К. Вальтер (1895–1900), Г. Финдейзен (1900–1905), В. Ферманн (с 1905 г.)⁸⁴.

Продолжалась и деятельность Евангелического полевого лазарета, основанного по инициативе пастора Дальтона. В 1904 г., когда началась русско-японская война, комитет лазарета снарядил второй полевой госпиталь под руководством лейб-хирурга доктора Г. фон Гирша. Лазарет действовал с июля 1904 г. до сентября 1905 г. под начальством старшего врача доктора О. фон Шиманна, израсходовав 256 089 руб. на лечение 1576 раненых и больных. В 1907 г. комитет полевого лазарета принял решение вновь, как и в 1881 г., организовать

помощь голодающим на Волге, на что было израсходовано 113 796 руб.⁸⁵

Продолжалась работа 8-классного петербургского училища при реформатских церквях. В 1904 г. оно насчитывало: в гимназии — 192 ученика, в реальном училище — 268 учеников⁸⁶. Наряду с историей Реформации в нем преподавались основы православного вероучения (в 1901 г. — прот. К.Т. Никольский и свящ. А.А. Ельцов). Это училище просуществовало до 1918 г.

В 1930 г. немецкая реформатская церковь была закрыта. (Несколько ранее, в конце 1920-х годов, была закрыта французская реформатская церковь⁸⁷.) Орган, привлекавший, по воспоминаниям современников, прихожан своим благородным и чистым звуком, был списан в утиль⁸⁸. В начале 1930-х годов церковное здание было полностью перестроено для размещения в нем Дворца культуры работников связи⁸⁹. Так окончательно был утрачен реформатский немецкий храм, украшавший Большую Морскую улицу и набережную Мойки.

Приложение I

Манифест. 11 мая 1778 г. «Об учреждениях, относящихся к восстановлению согласия между членами реформатской церкви, французский и немецкой наций» // Полное собрание законов Российской империи. Т. XX. 1775—1780 гг. СПб., 1830. № 14748. С. 675—676.

Предки наши, в Бозе почивающие монархи всероссийские, а подражая достохвальному их примеру и Мы позволяли в обширной империи Нашей свободное различных вер исповедание, и под Всемилостивейшим Нашим покровительством преподавали надежное и безопасное убежище всем, которые в догматах своих где-либо претерпевали угнетение и гонение; единое токмо Наше матернее попечение было и есть, чтобы все верные наши подданные и к ним присоединившиеся разных законов в совершенном согласии яко сограждане пребывали. С таковыми основанными на человеколюбии чувствами не могли Мы без прискорбия взирать на распри, от некоего времени возникшие между находящимися в здешнем Нашем престольном граде французскою и немецкою нациями реформатского исповедания, которые продолжавшееся между ними похвальнейшее соединение прервали раздорами и самую из

того происшедшею тяжбою. Желая возвратить их в первый союз, Мы осведомлялись о взаимных в деле сем правах и доказательствах, из коих открывается, что здешняя реформатская церковь, получа первое основание от французов, в империи Нашей жительствовавших и в службе находившихся, когда по разным обстоятельствам и недостаткам оставалася несколько времени без действия, то с восстановлением оной последовало и соединение с ними немецкой нации того же исповедания, которое и пребывало постоянно даже и во время сооружения нынешнего храма без всякого спора с коей-либо стороны, так, что от обеих избираемые старшины управляли церковными делами, в пользу обеих распоряжаемы были доходы и на обоих языках отправляема была служба и проповедь Слова Божия; но, по несогласию в избрании пастора, вошли в настоящую распрю и тяжбу в нашей Юстиц-Коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, дошедшую потом к Нашему Сенату и неоднократно ко престолу Нашему достигшую приносимыми между тем по разным в деле происшествиям жалобами и прошениями. По довольном всего того рассмотрении и уважении, признали Мы за благо, собственной ради обосторонной их пользы, отвратить продолжение сей тяжбы, взаимное их огорчение более токмо возвращать могущей, к приведению их в прежний союз, следующее Всемилостивейше учреждая:

1. Церковь реформатская, получившая здесь первое основание от французской нации и присвоившая потом в сообщество свое немецкую, должна почитаться общею обеих помянутых наций, предоставляя французской по праву основания преимущество в именовании первыми во всех актах до оной относящихся.
2. В отнятие причин на будущее время к новым раздорам, и дабы оба народа по разности языков равною выгодною в отправлении службы и поучении пользовались, каждый имеет содержать особенного пастора, которого призвание зависит от избрания и соглашения всей нации.
3. Двум сим пасторам получать содержание по равному числу из доходов церкви.
4. Дабы для обеих наций церковное служение без помешательства отправляемо быть могло, устанавливается: для французской начинать оное в 9 часов поутру и продолжать до 11 часов, для немецкой же с 11 1/2 часов до половины 2-го пополудни.

5. Дозволяется обеим нациям, если они для сбережения церковных доходов единодушно пожелают, содержать и одного пастора, который на обоих языках в установленное время мог бы отправлять службу; в таком случае для избрания назначивать от обоих народов с каждой стороны равное число голосов и по большинству их выбор решить, а в равенстве несогласном мнении кончить оный жребием; для наблюдения же порядка присутствовать при том члену Юстиц-Коллегии сходно тому, как в 8-м § о выборе старшин изображено.

6. Для распоряжения церковных и экономических дел учредить общий из обеих наций составленный совет.

7. Совету состоять в старшинах или попечителях трех от французской и трех же от немецкой нации, всякие три года избираемых. По делам же церковным приглашаются к оному и пасторы, кои по тем делам и первые голоса имеют.

8. Избрание старшин или попечителей должно происходить единодушным соглашением каждой нации на своих, в присутствии члена от Юстиц-Коллегии, назначиваемого для наблюдения при том порядка.

9. Управление доходов церковных всякого звания, содержание принадлежащих к церкви служителей, всякие починки в строении и прочее, тому подобное, лежит на попечении сего совета.

10. В случае недостатка таковых доходов на самые нужные употребления и особливо на содержание двух пасторов, потребная к дополнению сумма должна располагаться быть на обе нации.

11. Как уже выше сказано, что все хозяйственное управление предлежит церковному совету, то и отдача в наем дома, в коем построена церковь, от него же зависит; оный имеет при том так распорядить, чтоб обеих наций пасторы с равною друг против друга выгодною, тако ж и прочие церковные служители помещены были; а затем получаемые доходы причислять в общую церковную сумму.

12. По прошествии трехлетнего срока старшины повинны пред собранием всего общества дать отчет в своем поведении и особливо управлении доходов и в том получить одобрительное свидетельство своих собратий; тут получают они увольнение от должности своей; но могут и продолжить свое правле-

ние, ежели общество согласно, а и сами в том церкви своей послужить не отрекутся.

13. Дозволяется обществу обеих наций для свидетельства счетов выбрать от себя по одному или по два человека искусных бухгалтеров, пред которыми старшины всякое объяснение по востребованию их повинны давать беспрекословно.

14. Сия реформатская церковь, по примеру прочих церквей иностранных вер, свободно в империи Нашей исповедуемых, должна состоять относительно разбора споров, быть могущих между пасторами, старшинами и прихожанами по церковным экономическим делам, в ведомстве Нашей Юстиц-Коллегии; но сия последняя ни под каким видом при том не должна мешаться в догматы веры.

15. В прочем ежели общество обеих наций, к вящему укреплению своего союза, найдет за благо присовокупить к сему какие-либо на пользу церкви учреждения, которые не противны были бы гражданским в империи Нашей узаконениям, оныя позволяем взнести в Юстиц-Коллегию, а ей в Наш Сенат, от которого Мы получа, Наше монаршее утверждение пожаловать обещаем.

Сие Наше всемилостивейшее постановление повелеваем хранить подлинное в Юстиц-Коллегии, а список оногo, засвидетельствованный членами, для точного исполнения дать помянутой реформатской церкви.

1. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 344–346.
2. Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 257.
3. Жизнь Петра Великого, описанная Г. Галемом. СПб., 1812. Ч. 1. С. 44.
4. Там же. С. 44–45.
5. Там же. С. 45.
6. Там же. С. 45.
7. Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794. Ч. II. С. 275.
8. Церковный вестник. 1878. № 44. С. 17.
9. Бочагов А.Д. Петербург. Исторический очерк // Петербургский листок. 1903. № 20. 4 (17) мая. С. 5.

10. С. Л-г. О лютеранских и реформатских церквях в Петербурге // Православное обозрение. 1863. Декабрь. С. 306.
11. Петров П.Н. История Санкт-Петербурга (1703–1782). СПб., 1885, С. 294.
12. Берк К.Р. Путевые заметки о России // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 169–170.
13. Дэшвуд Фрэнсис. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 65.
14. Хавен Петер фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 336.
15. Там же. С. 355.
16. Кантемир А.Д. Описание Кронштадта и Петербурга // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 459–460.
17. Церковный вестник. 1878. № 44. С. 17.
18. С. Л-г. О лютеранских и реформатских церквях... С. 306.
19. Там же. С. 306.
20. Георги И.Г. Указ. соч. С. 277–278.
21. Сомов В.А. Немецкая книга в русской цензуре конца XVIII в. // Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 194.
22. Богданов Г. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб., 1779. С. 244.
23. Северцев Г.Т. Петербург в начале XIX века // Исторический вестник. 1903. Май. С. 628.
24. Старина и новизна. 1917. № 22. С. 4–5.
25. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVI. СПб., 1830. С. 314. № 27896. 1819 г.
26. Лященко А. Пастор Муральт и первые годы реформатского училища. СПб., 1901. С. 4.
27. Голос. 1876. № 300.
28. Цит. по: Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария. Л., 1984. С. 31.
29. Журнал министерства народного просвещения. 1850. Ч. 66, отд. VII. С. 102.
30. Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. Издал академик П. Пекарский. СПб., 1872. С. 13 (примечание).
31. Веселовский А. Западное влияние в новой русской литературе. М., 1916. С. 129. Поступлению А.С. Пушкина в Лицей содействовал А.И. Тургенев. Впоследствии на квартире Тургенева Пушкин встретился с пастором Муральтом.
32. Исторические бумаги... С. 13.
33. Там же. С. 12–13.
34. Лященко А. Пастор Муральт... С. 11.

35. Исторические бумаги... С. 13. (Впоследствии в этом доме был размещен Патриотический институт; там учились сестры Н.В. Гоголя, Анет и Елизавета).

36. Лященко А. Пастор Муральт... С. 8.

37. В рукописном собрании Российской Национальной библиотеки (РНБ, СПб.) хранится письмо пастора Муральта Н.И. Гречу (Ф. 608. Помяловский И.В. Оп. I. № 5084. Письмо от 18 октября 1849 г. (Петербург), на немецком языке. 1 л. (Рекомендация П.В. Беккера и его работ). В фондах РНБ имеются книги с автографом Муральта.

38. Цит. по: Пекарский П. О жизни и ученых трудах К.И. Арсеньева // Исторические бумаги... С. 13.

39. Дурьлин С. Пушкин и пасторы // Тридцать дней. 1937. № 2. С. 85.

40. Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария... С. 225, примеч. 101. Запись от 23.12.1836 г.

41. Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 5. С. 99.

42. Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники 1825–1826 гг. М.; Л., 1964. С. 434.

43. Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария... С. 34.

44. Голос. 1876. № 300. 30 октября (11 ноября). Пастор и педагог Муральт. (без указ. авт.).

45. Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария... С. 34–35.

46. Там же.

47. Голос. 1876. № 300.

48. Библиотека для чтения. СПб., 1838. Т. 27. Отд. «Критика». С. 52.

49. Там же. С. 72.

50. Там же.

51. Журнал министерства народного просвещения. 1850. Ч. 66, отд. VII. С. 100.

52. Dalton H. Johannes von Muralt. Wisbaden, 1876. S. 101.

53. Голос. 1874. 17 (29) февр. № 48. С. 2.

54. Там же.

55. Там же.

56. Пастор и педагог Муральт // Голос. 1876. № 300.

57. Там же.

58. Список лютеранских и реформатских духовных лиц и учреждений. СПб., 1853. С. 103.

59. Там же. С. 103.

60. Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 260.

61. С. Л-г. О лютеранских и реформатских церквях... С. 309.

62. Домбровский Ф.В. Полный путеводитель по Петербургу и его окрестностям. СПб., 1896. С. 186.

63. С. Л-г. О лютеранских и реформатских церквях... С. 315.

64. Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга... С. 260–261.
65. Там же. С. 261.
66. В Российской Национальной библиотеке (Санкт-Петербург) имеется одно из писем пастора Дальтона, хранящееся в рукописном собрании (Ф. 2. Абих Г.В. № 607. Письмо Дженни Гесс. Петербург, 14 августа 1869 г., на немецком языке. 2 л.).
67. Dalton H. Johannes von Muralt...
68. Вернер В.А. Евангелические учреждения в Петербурге // Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 238.
69. Там же. С. 231.
70. Дальтон Г. Социальный недуг. К вопросу о проституции и о приютах св. Магдалины. СПб.; М., 1884. С. 1.
71. Вернер В.А. Евангелические учреждения в Петербурге... С. 233.
72. Алфавитные списки церквей римско-католического, евангелическо-лютеранского и евангелическо-реформатского исповеданий в империи. СПб., 1885. С. 246.
73. Там же. С. 248.
74. Смагина Г.И. Немцы-учителя в Санкт-Петербурге // Немцы и развитие образования в России. СПб., 1998. С. 166.
75. Открытое послание обер-прокурору Правительствующего Синода <...> К.П. Победоносцеву от Германа Дальтона. Лейпциг, 1890. С. 4–5.
76. Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI. СПб., 1830. С. 314. № 11880.
77. Открытое послание... С. 47.
78. Там же. С. 48.
79. Ильминский Н. Образец полемики г. пастора Дальтона. Казань, 1890. С. 4–5.
80. Копылов А. Открытое послание пастора Дальтона // Русский вестник. 1889. Октябрь. С. 90–107.
81. Ильминский Н. Образец полемики...
82. Ответ г. пастору Герману Дальтону протоиерея Иоанна Поспелова. Харьков, 1891.
83. Вернер В.А. Евангелические учреждения в Петербурге... С. 234.
84. Там же. С. 234.
85. Там же. С. 238.
86. Отчет о состоянии училища при реформатских церквях за 1903/1904 гг. СПб., 1904. С. 64, 66.
87. Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга... С. 260.
88. Котляревский А., Шляпников В. Столица органной музыки // Ленинградская правда. 1991. 13 апр. № 86–87.
89. Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга... С. 261.